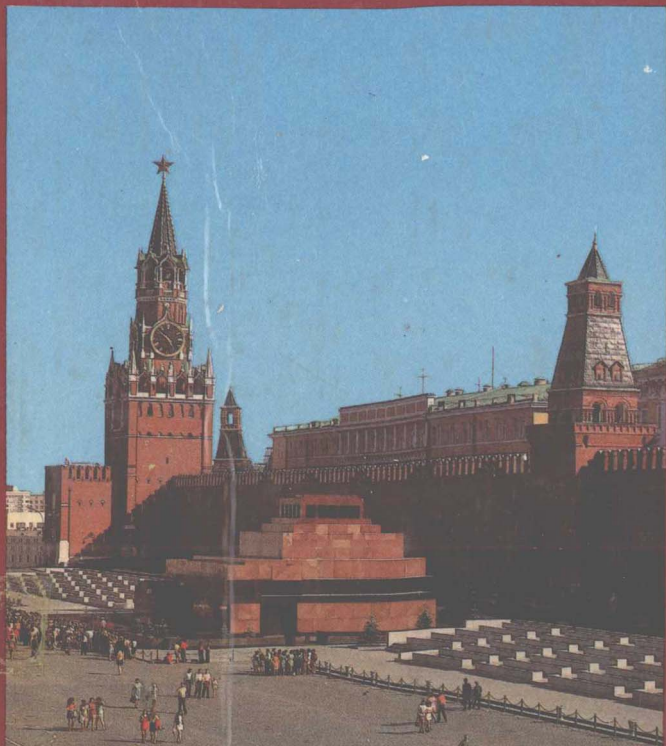

Города-
герои

МОСКВА

*Евгений Захарович
Воробьев*

МОСКВА

Близко к сердцу

Страницы
героической защиты
города-героя
1941—1942

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Н. С. Гудкова*

Младший редактор *Т. А. Ходакова*

Художник *А. А. Брантман*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 5016

Сдано в набор 31.07.85. Подписано в печать 11.12.85. А00226.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,43. Усл. кр.-отт. 20,91.
Уч.-изд. л. 17,29. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. Заказ 941.
Цена 80 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

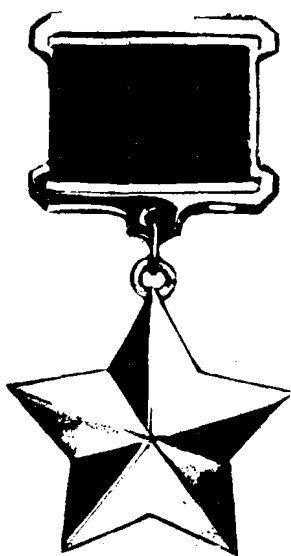
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473,
Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

30 ноября	301
1 декабря	303
2 декабря	309
Сестра милосердия	312
«За обороной следить, не спуская глаз...»	315
Трамвай № 232	320
Четная сторона улицы	322
Левша на передовой	324
Трамвай № 232	327
Зима тревоги нашей	329
Главные слагаемые	341
6 декабря	350
Вмятины на броне	357
Шашки к бою!	366
Половодье в декабре	371
От Советского информбюро	378
В последний час	—
Девять муз	379
«Как хлеб, как окопная махорка...»	—
Волоколамское шоссе	383
Балетные туфли и валенки	386
Танк «Беспощадный»	389
Под Малоярославцем	390
Учитель истории	—
Макароны с мясом	395
Конная тяга	398
Генерал мороз	403
Можайская тетрадь	412
Меткий почерк	—
Верим в победу	416
Бинокль	417
Щепотка табаку	420
Без сна	423
Зеленая крыша	426
Генерал и Мишутка	428
Палачи в перчатках	431
Березовые кресты	444
Дорога на запад	451
Сквозь годы мчась	461
Счет № 700828	470

Когда меня спрашивают,
что больше всего запомнилось из минувшей войны,
я всегда отвечаю: битва за Москву.

Г. К. Жуков

Города- герои

Указом Президиума
Верховного Совета СССР
от 8 мая 1965 года
за выдающиеся заслуги перед Родиной,
массовый героизм, мужество и стойкость,
проявленные трудящимися столицы
Союза Советских Социалистических Республик
города Москвы в борьбе с немецко-фашистскими
захватчиками, и в ознаменование
20-летия победы советского народа
в Великой Отечественной войне
1941—1945 гг. городу Москве
присвоено почетное звание «Город-Герой»
с вручением ордена Ленина
и медали «Золотая Звезда».

ЕВГЕНИЙ
ВОРОБЬЕВ

МОСКВА

Страницы героической защиты города
1941—1942

Москва
Издательство
политической
литературы
1986

63.3(2)722.72

В75

Воробьев Е. З.

В75 Москва: Близко к сердцу. Рассказ-хроника. Страницы героической защиты города, 1941—1942.— М.: Политиздат, 1986.— 479 с., ил.— (Города-герои).

В $\frac{0505030202-017}{079(02)-86}$ 126—86

63.3(2)722.72
9(С)271

© ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

Я ступал в тот след горячий.
Я там был. Я жил тогда...

А. Твардовский

БЛИЗКО К СЕРДЦУ

Рассказ-хроника

С первых дней Великой Отечественной войны и до ее конца автор этой книги был военным корреспондентом газеты Западного (3-го Белорусского) фронта «Красноармейская правда». Он безотлучно находился в войсках, когда шли бои в верховьях Днепра на смоленской земле, на дальних подступах к Москве, а позднее на солнечногорском, волоколамском, можайском, наро-фоминском, малоярославецком направлениях и на южной окраине Тулы в поселке Рогожинском. Вместе с войсками входил в освобожденные Ельню, Истру, Наро-Фоминск, в усадьбу Ясная Поляна, Малоярославец, Юхнов, Медынь, Можайск, Вязьму.

Очерки, репортажи, зарисовки, записи, сделанные во фронтовых блокнотах, дополнены беседами после войны с маршалами, генералами, военными историками, героями битвы за Москву, бойцами народного ополчения, партизанами Подмосковья, рабочими и работниками оборонных заводов, пожарными, железнодорожниками, медиками, трамвайщиками, журналистами, минерами и другими участниками событий. Работая над книгой, автор обращался к военным мемуарам, а также к документам и материалам в архивах и музеях.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГОДОВЩИНА

В канун Октябрьской годовщины в Москве несколько раз объявляли воздушную тревогу. Самолеты противника 6 ноября настойчиво прорывались к городу. Те, кто замыслил злодейский план «Барбаросса», хотели во что бы то ни стало сорвать советский праздник, деморализовать и терроризировать Москву. Около пяти часов вечера на город устремилось 250 самолетов. Зенитчики и истребители мужественно отражали попытки врага хозяйничать в московском небе. В этот день налетчики натолкнулись на плотную завесу зенитного огня. Над городом и на подступах к нему было сбито 34 самолета. В сумерки и вечером в облаках шарили лучи прожекторов, голубыми мечами рассекали пасмурное небо, они ослепляли вражеских летчиков, указывали цели воздушным часовым столицы.

За двадцать минут до начала торжественного заседания прозвучал отбой воздушной тревоги, налет отбит...

Весь день на станции метро «Маяковская» готовились к заседанию Моссовета в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. Несколько военных корреспондентов, прибывших с Западного фронта, тоже получили пропуска.

В. П. Пронин, председатель Моссовета в годы войны, вспоминает, как 2 или 3 ноября в 10 часов вечера после доклада Генерального штаба Сталин вдруг обратился к нему и к А. С. Щербакову с вопросом:

«— А думают ли москвичи, сохраняя традиции, проводить торжественное заседание Моссовета, посвященное 24-й годовщине Октября?

Признаться, в сутолоке напряженной прифронтовой жизни мы тогда еще не занимались этим.

— Надо проводить,— сказал Верховный.— Где, по вашему мнению, это лучше всего сделать?

Начали перебирать варианты. Хорошо бы в Большом Кремлевском дворце или в Колонном зале, но опасно — фашистские самолеты могут прорваться в столицу... И вдруг кто-то предложил (не помню точно, кто именно):

— А может быть, в метро? Например, на станции «Маяковская»? Станция глубокая, зал вместительный, удобный, его можно быстро приспособить...»

Думал ли кто из строителей или пассажиров метрополитена, что станции «Маяковская», открытой три года назад, суждено в своем мраморном, нержавеющей великолепии стать бомбоубежищем?

Вход в метро темный, не светит даже тусклым синим светом коренастая буква М.

Сегодня станция закрыта для пассажиров и для тех, кто ищет безопасного ночлега.

В узкой двери стоял милиционер в каске, с ручным фонариком. Пятнышка света едва хватало, чтобы высвечивать пригласительные билеты и удостоверения личности.

После площади, погруженной в плотную темноту, люстра в вестибюле метро была празднично яркой. Или так лишь показалось...

Эскалатор двигался безостановочно. Подземный зал превратился в огромный, вытянутый в длину партер. Днем воинские команды, иногда под вой воздушных сирен, переносили и доставляли вниз стулья, сложенные по два, блоки кресел, свинченные по полдюжины. Разношерстные стулья и кресла перекочевали из Концертного зала имени Чайковского и соседних зданий — бывшего мюзик-холла, кинотеатра «Аквариум», а также с противоположной стороны площади, из Театра Сатиры, кинотеатра «Москва» и Театра кукол Образцова.

Из Зала Чайковского перетаскивали пианино для концерта: транспортировали вниз по эскалатору.

В дальнем конце станции — трибуна. Два больших канцелярских стола, сдвинутые торцами, покрытые зеленым сукном, — стол президиума. Помощники военного коменданта Большого театра А. Т. Рыбина принесли эту скатерть, часы. На подставке бюст Ленина, рядом букет цветов.

Слева у платформы стоял метропоезд, двери открыты. Окна одного из голубых вагонов занавешены — артистическая для участников концерта.

По соседству с артистической — вагон-буфет: чай, бутерброды, сдобные булочки, мандарины. В окопах, заметенных снегом ранней и сердитой зимы, мандарины выглядели бы, наверное, плодами с другой планеты.

Нарушив привычное направление, от станции «Белорусская» на правый путь подошел

специальный поезд. В портале туннеля показался вагон; он остановился в конце платформы. Прибыли члены Политбюро, секретари ЦК, МК партии и другие московские руководители. Через окна вагонов было видно, как пассажирам помогают снимать зимнюю одежду. Весь вечер вагон стоял под охраной, освещенный, двери настежь. Шубы, пальто, полушубки, шинели висели на никелированных поручнях...

Пришел я рано, удалось занять место сравнительно близко от трибуны.

Всеохватывающая сплоченность, преданность идеалам Октябрьской революции, заветам Ленина, ощущение сопричастности к огромному событию, насыщенному пафосом истории, воодушевляли двухтысячную аудиторию.

Подавляющее большинство собравшихся в военной форме. Вперемежку с штатскими — командированные на праздник с фронта, из казарм, из военных училищ, из госпиталей. На многих отпечаток переднего края — не успели побриться, выгладить гимнастерки, в сапогах, забывших о зеркальном блеске, со следами окопной глины. Рядышком сидели капитан с забинтованной головой и политрук — рука на марлевой повязке; капитан помог политруку выпростать ее из рукава шинели.

По тому, как иные неловко, неуверенно ступали на движущиеся ступеньки эскалатора, было ясно, что в метро они впервые.

Запрокидывая головы, вглядывались в красочные мозаичные плафоны художника Дейнеки на потолке.

Молоденькие лейтенанты и маститые комдивы; знатные люди с московских заводов;

ткачи в традиционных красных косынках и убеленные сединами ветераны партии. У вагона, где хлопотали радисты, встретились седовласая Роза Землячка, активная участница Октябрьского вооруженного восстания в Москве, и Николай Подвойский, бывший председатель Военно-революционного комитета в Петрограде.

В вагоне-артистической сидел в наушниках и колдовал над аппаратурой Юрий Левитан. Тепло поздоровались — мы не виделись с Первомайского парада, когда участвовали в радиопередаче с Красной площади. Выразительный голос его был хорошо знаком радиослушателям, но даже многие московские журналисты не знали его в лицо; телевизор еще не продавался.

Левитан многозначительно сказал мне:

— На всю страну!..

Прошло несколько минут и...

— Внимание, внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Начинаем трансляцию торжественного заседания...

Заседание началось в 7 часов 15 минут вечера. Открыл его короткой речью председатель Моссовета В. П. Пронин. Он предоставил слово для доклада Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину.

В то мгновение, когда Сталин — в кителе с отложным воротником, без знаков различия и наград — поднялся на небольшую трибуну, можно было, казалось, услышать сердцебиение переполненного зала.

Прошло много лет, прежде чем полковник в отставке, бывший начальник штаба Московс-

кой противовоздушной обороны С. Е. Лапиров признался:

— Начался доклад. И в этот момент посты ВНОС донесли о появлении новых групп вражеских самолетов. Сразу же были приведены в действие все средства ПВО, а у нас в МПВО объявили готовность № 1. На все запросы с «Маяковской» я отвечал: «Все спокойно». А воздушные бои продолжались. В других условиях пора было бы объявить тревогу, но это значило бы прервать трансляцию доклада, и тревоги в Москве в тот вечер так и не было. Воины ПВО не пропустили к столице ни одного вражеского самолета.

Корреспонденты гадали: будет ли опубликован подробный отчет о заседании? А смогу ли я выполнить задание редактора «Красноармейской правды»? На всякий случай записал доклад подробно.

— Наше дело правое, победа будет за нами! — Этими словами закончилась речь, ее заглушили крики «ура!», пение «Интернационала».

Зал проводил докладчика восторженной овацией. Она прозвучала как священная клятва в безграничной и беззаветной преданности своей Родине, как присяга выполнить железную волю ленинской партии...

После концерта, после того как ушел правительственный поезд, поднялись в вестибюль. Нам доверительно сообщили: только что в вагоне метро состоялось совещание. Подтвердили решение — в случае благоприятной (то есть скверной) погоды завтра утром на Красной площади провести парад войск. Пропуска военным корреспондентам выдадут на рассвете

в Московском Комитете партии, в секретариате А. С. Щербакова.

Всю ночь мы жили ожиданием плохой погоды. Обнадеживала метеосводка, которая вечером 6 ноября ушла в войска фронта: «Низкая облачность. Ограниченная видимость. Дороги для всех видов транспорта проходимы. В ночь на седьмое наступит похолодание. Вероятны осадки. Действия военно-воздушных сил будут затруднены...»

Конные патрули из конца в конец мерили притихшую Красную площадь, из темноты доносился цокот копыт, приглушенный выпавшим снежком. Циферблат часов на Спасской башне во тьме, не светило и рубиновое созвездие Москвы.

Редкие машины неторопливо проезжали мимо ГУМа. Они освещали себе дорогу прищуренными фарами: узкие прорезы пропускали лишь подслеповатый синий свет.

Решение провести парад на Красной площади до поры до времени держали в тайне — в прифронтовом городе нужно опасаться враждебных ушей и глаз.

Как же и когда возникло это смелое решение? 28 октября, после ежедневного доклада командующего Московской зоной обороны генерала Артемьева, Сталин вдруг спросил, собирается ли он проводить парад войск? Артемьев от неожиданности сослался на неблагоприятную обстановку и высказал сомнение в целесообразности парада. Сталин с ним не согласился, напомнил об огромном политическом значении парада и приказал готовиться. Командовать будет Артемьев, принимать парад — Буденный. Последовало строжайшее

предупреждение о полной секретности решения: будет знать только начальство противовоздушной обороны, подготовка пройдет скрытно, под видом дальнейшего усиления обороны Москвы.

В казармах поговаривали о смотре частей перед отправкой на фронт, проводили строевые занятия. Не знали, что еще 1 ноября в Ставку был вызван командующий Западным фронтом Г. К. Жуков и что Сталин ему сказал:

— Мы хотим провести в Москве кроме заседания по случаю годовщины Октября и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Жуков ответил, что, по его мнению, противник в ближайшие дни не начнет наступления, так как понес большие потери, вынужден пополнить и перегруппировать войска. Против вражеской авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить воздушную оборону, перебросить к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов...

«Мы, красноармейцы и сержанты,— вспоминает И. В. Орлов, бывший сержант мотострелкового полка дивизии имени Дзержинского,— догадывались, что состоится парад на Красной площади. Наши бойцы в свободные часы, как правило ночью, подгоняли новые шинели, пришивали к ним петлицы, до блеска начищали обувь. В образцовый порядок привели походное снаряжение. Строевые занятия проводились на площади возле Устьинского моста от зари до зари с перерывами на время воздушных тревог. В каждой шеренге было двадцать бойцов, а в каждом сводном батальоне — десять таких шеренг. 4 ноября про-